

Тамара Каганович

Одесские Кагановичи

Моего папу в Одессе все знают. Ну как все... Те, кто живет в Успенском переулке, точно знают. Этот тот переулок, куда своей не фасадной частью выходит Успенский собор. Раньше и наш дом был частью церковного двора, и тут жили батюшки. Их внуки – папины друзья детства. Да, такой у нас двор: половина жильцов – потомки православных священников, половина – потомки Моисея.

В послевоенное время один из соседских мальчишек, когда его кто-то обижал, грозил всем: «Вот приедет мой брат майор!». Звание «майор» после войны было аргументом весомым, обидчики отставали. Потом этот брат приехал. Оказался не майором, а Мэиром.

А у папы была сестра Софа, на двенадцать лет старше. Она таки считается настоящей одесситкой – родилась здесь в 33-м. Да и не здесь, а в доме напротив, где и было изначально наше пятикомнатное «дворянское гнездо». Прадед был управляющим на предприятии, занимавшемся лесом и деревообработкой, содержал на свое жалование жену, четырех детей и трех бедных родственниц из села. Квартира после его смерти досталась деду, а во время войны – румынам на разграбление. Ну а потом в нее вселились чужие люди, и дед с семьей, вернувшись в 1946-м из эвакуации, вынужден был купить себе одну комнату у попадьи из дома напротив. Так и живем! Эвакуация стоила нам квартиры и «царского» мебельного гарнитура красного дерева – о нем расскажу ниже. Но зато почти все остались живы. Спасибо, господа, что взял гарнитуром!

В нашей парадной до сих пор как остатки золотого века сохранились старые и почти убитые деревянные двери. И лестница

на второй этаж. Тоже деревянная. Гостей наших она всегда впечатляет. Сейчас по ней взбираются уже папины внуки.

А папа был уличным мальчишкой. Соседским культурным мальчикам не рекомендовали с ним дружить. Это с моим-то папой! Они просто не знали, что через пару десятков лет дружбой с папой нужно будет гордиться!

Если вы знаете папу, вы поймете, почему.

Мой дед и Мишка Япончик

Папу знают все в нашем районе. А его деда знали все даже на Молдаванке. Он пришел пешком из своей деревни в Одессу на заработки. Сперва был грузчиком, потом мелким служащим в конторе, занимавшейся лесом. Характером был крут, чем и заслужил прозвище Чеченец. Стал управляющим, привез из деревни невесту, которая его ждала. И был в своей общине и вообще в городе очень уважаемым человеком. Даже местная шпана боялась задирать его сыновей Евсея, Ньюню и Моню. А о дочке Бете я вообще молчу!

Нюня, то есть Наум, – это папин отец. Когда он вырос, то решил стать врачом. А еще раньше он решил пойти добровольцем на фронт Первой мировой. И пошел! Но сперва из Сабанских казарм накануне отправки на фронт сбежал попрощаться с семьей. Потом вернулся. Потом пару месяцев воевал. Говорил, что на его совести ни одной смерти нет. Потому что зрение у него было плохое, очки не носил, на стрельбах и в окопах даже не пытался целиться. Потом его по зрению из армии отпустили, но зато по льготе как фронтовика допустили до экзаменов. И Наум целых два года исправно учился, а с третьего года ушел «делать революцию». Командовал полуполком студентов. Когда Мишка Япончик решил стать красным, и его бандитский полк с музыкой и под бархатным знаменем собрался-таки на фронт, никто особо не верил в успех предприятия. Красные командиры из Одессы знали, кто там у Мишки встал под ружье. И Мишкин полк решили немного разбавить студентами. Слава богу, деду Науму и здесь повезло: в список «разбавителей» он не попал. И Вознесенск не стал его последней станцией. Он довольно быстро ушел из революции в мирную ра-

Родители папы – Тамара и Наум

боту, занялся лесом, как и его отец, женился на своей сотруднице Тамаре, которая – на минуточку! – была в 1913 году, как сейчас бы сказали, «мини-мисс Еврейской общины Херсона» и от лица общины вручала цветы представителю царской фамилии во время празднования трехсотлетия Дома Романовых. Вот на этой девочке, только уже выросшей, дед Наум и женился, и родил двоих детей – Соню и Мишу. Как вы понимаете, Миша – это мой папа.

Родственник того самого?!

Сегодня папа – старейшина нашего одесского клана. Я всем говорю, что одесситка в третьем поколении, но (только тсссс!) это не совсем так. По принципу «быстро поднятое не считается упавшим» папу, родившегося в эвакуации в Сызрани и приехавшего в Одессу в возрасте нескольких месяцев, мы тоже считаем коренным

одесситом. Если не слишком внимательно вглядываться в паспорт, а как раз смотреть на гордый папин профиль и слушать приколы, то сомнений в папином одесском происхождении у вас не будет.

На том и остановимся!

Сейчас этим никого не удивишь. Но в детстве моего папы, то есть в 50-х XX века, фамилия Каганович была козырной. Папа учился в школе, которая до революции была знаменитой гимназией Иглицкого. Ее окончили раньше и отец, и дяди. И вот была в первом классе такая история: мальчики только пришли в школу, перезнакомиться не успели толком. Папа Миша сидит за партой один. На уроке вдруг какой-то малыш тянет руку и на папу показывает: «Можно я... к этому... к Микояну пересяду?». Перепутать Кагановича с Микояном – как вам это нравится! Ну да, оба – члены правительства, оба сталинские любимцы... Главный вопрос, который всех интересует: а не родственники ли мы того самого? Ну как вам сказать... Документов нет. Хотя родом и тот Каганович, и мой прадед примерно из одной местности. Но поиски общих корней – это вопрос будущего. Как говорил герой одного фильма, «Будем искать!». Самой интересно!

Гарнитур для императора

Папу в Одессе знают все. Особенно в Одессе театральной. Его папу знали все в революционной Одессе, а папу его папы и знали, и уважали в дореволюционной Одессе торговой.

Мой прадед Григорий, чей могильный камень удалось перенести с разрушенного на действующее кладбище (и поэтому я знаю годы его жизни), был очень талантливым человеком. Он родился в 1870-м, тогда же, когда и Ленин, который Ульянов. Который дедушка и вождь – ну вы в курсе! Надо, конечно, уточнить у моего астролога, но, полагаю, в этот год звезды сошлись так, что все новорожденные младенцы запрограммированы были на бурную деятельность и имели с пеленок целеустремленный характер борца. Прадед Григорий, вернее, Цви бен Цви Каганович начинал с простого грузчика, дорос до управляющего большого (как я думаю) предприятия. А почему я так думаю? Потому

что именно этому предприятию был заказан мебельный гарнитур для кабинета самого его императорского величества. Сама история полуполюгендарная. Я давно в ней пытаюсь разобраться. Но гарнитур действительно был. Из красного дерева, с особыми выпуклыми стеклами в дверцах шкафов. Его хорошо помнила папина двоюродная сестра Валя, родившаяся в 1932-м. Спрашивается, как она могла его помнить, если гарнитур был в царском дворце (если был)? В том и соль!

Легенда гласит, что прадед был человеком ответственным. Он не мог подсунуть царю лишь бы что. Когда поступил заказ, Григорий Григорьевич сперва велел сделать по чертежам такой же гарнитур для себя, а уж потом, убедившись, что получилось отменно, – для царя.

И гарнитур был сделан в двух экземплярах, и стоял в нашей большой квартире на Успенской, 101. Долго стоял, аж до самой оккупации. А прадед умер в 1927-м, не подозревая, какая участь ждет его семью и его имущество. Когда в 1941-м умные и дальновидные дед с бабушкой и моей восьмилетней тетей уезжали в эвакуацию, гарнитур был на месте. И толстый персидский ковер, и люстра, и заботливо упрятанная в диван посуда. Все было...

Когда в 1946-м дед с семьей, где, между прочим, уже двое детей, вернулся в Одессу из эвакуации, здесь его никто не ждал. Старший брат и сестра погибли, квартира занята. А в ней ничего уже не было, кроме люстры. Видимо, румынам не с руки было люстру снимать. Так она и висела, радуя новых жильцов. Дед поехать в эту квартиру уже не смог.

История эта похожа на сказку. Но ведь был гарнитур! Тетя Валя его помнила, и не верить ей повода у меня нет.

Я стала потихоньку раскапывать этот толстый легендарный слой. Сперва нужно было выяснить, а была ли, в принципе, такая мебель у царя. Да, была. Примерно под описание подходит парадный кабинет Николая в Александровском дворце. Вот что о нем известно сейчас:

«Фактически совершенно нетронутым остался парадный (новый) кабинет императора Николая II. Здесь в период его царствования проходили заседания Совета министров, представления депутатий и комиссий. За этим столом государь играл в бильярд,

на котором с началом Первой мировой войны раскладывали карты Генштаба. Отделка и мебель для кабинета были созданы в 1903-1906 годах по проекту придворного архитектора Р.Ф. Мельцера. До наших дней от первоначального убранства сохранились панели, камин, антресоль с колоннами, обшивка потолка из красного дерева, а также портреты, фотографии, фарфоровые изделия и книги».

По воспоминаниям тети, мебель в кабинете деда была из красного дерева, а годы 1903-1906 вполне соответствуют нашей легенде. Именно в эти годы прадед был главным управляющим и мог позволить себе такой вот царский кабинет. Не весь, конечно. Но шкафы и стол вполне. Теперь предстояло выяснить, в какой же это конторе мой предок так плодотворно трудился. Задача не из легких, скажу я вам. Но, как всегда, помогли добрые люди и знатоки одесской истории, краеведы Олег Губарь и Анатолий Дроздовский. Моя благодарность этим людям безмерна, поскольку они окончательно помогли семейной легенде обрести одесскую почву под ногами. А образ прадеда Цви бен Цви перестал смахивать на былинный, хоть и еврейского, богатыря (кстати, был он ростом велик и статен, светловолос и голубоглаз), и получил вполне человеческое обличье.

Эти одесские Кагановичи занимались, правда, не производством и торговлей мебелью, а торговлей лесом, то есть древесиной. В 1910-х Григорий служил в лесоторговой фирме А.Л. Мирельзона, по ул. Прохоровской, 30 (по другим сведениям – 31). Сам проживал по Кузнечной, 39 (а не на Успенской, 101, что тоже требует уточнения). Кстати, на Кузнечной, 39, была до революции еврейская школа, и вроде бы в этом же доме жила Вера Инбер.

Но вернемся к нашим Кагановичам. Точнее, к Григорию Григорьевичу, который, как вы помните, вообще-то, Цви бен Цви.

Прадед явно занимал солидное положение, поскольку состоял в комиссии по раздаче пособий топливом и мазой бедным евреям. Другой Каганович, очевидно, близкий родственник, по имени Вульф (Вольф), вел собственный лесоторговый бизнес по Тираспольской, 17. Может быть, они поставили какому-то солидному мебельщику (например, Мельцеру) элитарную древесину, из которой и был выполнен тот самый гарнитур.

Теперь у меня другая головная боль: найти связь одесской лесоторговой фирмы Мирельсона с петербургской мебельной фабрикой Мельцер. На минуточку! Но вы ж понимаете, что я найду!

Как мой папа не стал скрипачом

Мой дед был сыном бывшего портового грузчика, ставшего управляющим. Прадеда Григория по прозвищу Чеченец в городе уважали. Он из босяка стал не последней персоной на лесном рынке дореволюционной Одессы.

На свою зарплату он содержал большую семью и трех неимущих родственниц из села.

Короче, карьера прадеда была прекрасным примером для подражания. Но дед этим не воспользовался. Нет, он, конечно, поступил в медицинский. Как вы понимаете, для еврея в дореволюционной Одессе это было ой как непросто. Но дед перед этим успел повоевать на фронтах Первой мировой, и ему как ветерану дали какие-то льготы. И дед, будучи студентом, даже подавал надежды. Но ровно до того момента, когда грянула революция. И без пяти минут светило одесской медицины ушло делать эту самую революцию. Слава богу, закончилось все для деда относительно хорошо: его не убили, не ранили и не посадили. И в пред-, и в послевоенное время он работал, как и его отец, по части леса. Конечно, карьера так себе! Все его однокурсники, пережившие революцию и войну, в 50-е годы были известными врачами. Все его революционные товарищи, пережившие войну и чистки, были чекистами с персональными пенсиями. И только дед был скромным служащим в какой-то конторе на 5-й Фонтана. Но дружил дед Наум с правильными людьми. Например с Михаилом Водяным. И с профессором Лео Давыдовичем Лембергским. Да, тем самым, что учил будущего драматурга Гарика Голубенко и еще десятки действительно состоявшихся скрипачей!

Так вот... Когда папе моему было лет пять, дед решил, что пора исправлять ошибки молодости. Возможно, ему во сне явился покойный отец, управляющий, и строго сказал: «Нюня! Где твоя совесть! Тебе уже за пятьдесят, а твой единственный сын –

настоящий уличный мальчишка! Все его детство – это беготня по переулку, футбол и прочие глупости. А ты подумал, как он будет кормить семью лет через пятнадцать, когда ты совсем сляжешь от своих болячек? Дай ребенку в руки профессию, пока уличная шпана не дала ему в эти самые руки нож или кастет!». Думаю, покойный прадед мог сказать во сне деду что-то такое или еще серьезнее. Точно сказать не могу. Но дед проникся и повел пятилетнего папу в школу «имени mine» Столярского. Профессор Лео Давидович ждал. Он посмотрел на мальчика и велел прохлопать какой-то ритм. Папа прохлопал. Наверное, без особого удовольствия. Когда профессор нажал на рояле клавишу и попросил повторить ноту, папа отказался наотрез.

Как мог знать пятилетний папа, что от музыки ему убежать не суждено!

Да, он стал не скрипачом, а даже наоборот – виноделом, мастером на судоремонтном заводе, бухгалтером, инженером. Но последние пятьдесят лет музыка из его жизни не уходит: сперва в оперном театре, потом в музыкальной комедии. И если вам ради интереса захочется спросить, кто в Одессе сегодня лучший театральный художник по свету, так я вам скажу – мой папа! Такая вот неплохая карьера.

Папа, бокс и подъем с переворотом

Да, скрипачом папа не стал... А ведь мог, как тысячи хороших мальчиков из еврейских семей! «И чего это евреи так любят скрипку? – спросите вы. – Почему не арфу, например?»

А ведь все просто, если разобраться.

Вот вы живете в местечке, никого не трогаете, играете на скрипочке на похоронах и свадьбах, имеете с этого свой маленький кусочек хлеба, иногда даже с маслом. И вдруг погром или еще какая беда! Что делать? Бросать все и бежать! И вы убегаете, и находите новое тихое место, где евреев пока не бьют. Ваша скрипочка с вами, она вас прокормит. А попробуй проделать то же самое с арфой!

Вот почему еврейских мальчиков не зря учили играть на скрипках. А драться и защищать себя они учились сами.

Дед Нюня в молодые годы состоял в еврейской самообороне и защищал свой район от погромщиков. Тогда времена были такие. А папа?

Папиным тренером по боксу был молодой Давид Бакман, сын того самого легендарного Бакмана Аркадия, который в 1939 году на первенстве СССР по второй группе городов занял первое место в весе 51 кг, и кому первому из одесских боксеров присвоили звание «Мастер спорта СССР по боксу».

Бакмана в Одессе знали все. Несмотря на железный занавес, знали его и в США. Ведь это был тот самый боксер из Одессы, который в своем последнем, 175-м бою одолел чемпиона Нью-Йорка Боба Цимбу.

Чтобы понять, как Одесса относилась к своему герою, стоит вспомнить рассказ его сына о похоронах отца:

«На похороны приехали его ученики со всех концов страны. Тогда вышел жесточайший приказ: никаких похоронных процессий по городу, сразу в автобус – и на кладбище. Выносят ученики гроб с телом моего отца из спортивного зала «Буревестник», где проходило прощание, минуют катафалк. Председатель облспорткомитета кричит им: «Ставьте в автобус!». И тогда один из ребят – Илюша Фридман – сказал: «Вот когда ты откинешь копыта, тебя в автобус мы поставим. А Аркадия Давидовича будем нести».

Идем за гробом. Чувствуем напряжение. Милиция суетится – полковники, подполковники... Скандал! «Несут гроб с Аркадием Бакманом! Уже к Дерibasовской подходят!» Подбегают, чтобы остановить процессию. Илюша Фридман что-то им скажет, и они оставляют нас в покое. Кто-то еще подсказывает. Тоже отпрыгивает.

Недавно я поинтересовался у Илюши, как он тогда договаривался с милицией. Он говорит: «Что ты знаешь? Я тому давал пятерку, тому – десятку, тому – четвертак. И они сами собой отваливали. Все покупается: и тогда, и сейчас».

Сын легенды одесского бокса сегодня живет в США, но его спортивная и журналистская биография неразрывно связана с Украиной. Вот что рассказал он о себе в одном из интервью («Бульвар Гордона», 2007):

«Я начинал как боксер. Мой отец Аркадий Бакман был капитаном первой (подчеркиваю – первой) сборной Украины по боксу, которая в 1933 году на первом официальном чемпионате Советского Союза завоевала бронзу...

Он хотел, чтобы я тоже пошел по его стопам. Я становился чемпионом Кишинева по боксу, будучи студентом техникума физкультуры... Здесь, возмущенный судейской нечестностью, написал в местную газету «Вечерний Кишинев» и в «Советский спорт». Это были мои первые публикации».

В 65-м Бакмана-младшего пригласили в Киев – в республиканскую газету «Комсомольское знамя» (бывшее «Сталинское племя»). Взяли сначала внештатным работником, а потом поручили отдел спорта. Так начиналась карьера спортивного журналиста и писателя.

Но в начале 60-х Давид Аркадьевич Бакман тренировал мальчишек в зале «Спартак» на улице Жуковского. И среди них был мой папа.

Бокс для интеллигентного еврейского мальчика – хороший вид спорта. Либо привыкнешь получать, как говорит папа, по морде, либо научишься уворачиваться и отбиваться. И то, и другое в жизни пригодится.

Надо сказать, что родители папы были на тот момент уверены, что их сын посещает гимнастическую секцию. Папа, сколько мог, поддерживал в них эту веру, пока не наступил Песак.

Мои дед с бабушкой были людьми не религиозными. Они не ходили в синагогу, не учили своих детей молитвам, что было вполне нормально для того советского времени. Но в быту они, сами того не подозревая, соблюдали традиции предков, генетическую память о которых никакой советской властью не вытравишь. Поэтому, например, маленького папу не стригли до трехлетия. Обряд первой стрижки у еврейских мальчиков называется «опшерниш», во время него подстригают волосы коротко, оставляя только пейсы, надевают ребенку кипу и талит. Описанный в Торе обычай гласит: как нельзя первые три года снимать с деревьев плоды, так и волос мальчика первые три года его жизни не должен касаться металл ножниц. После опшерниша мальчик начинает учебу в хедере – начальной еврейской школе.

Конечно, в хедер никто советского ребенка не думал отпирать, но постригли «по правилам». А до того папа помнит, как его сестра Софа и кузина Валя играли с ним, как с куклой, заплетая в косички длинные локоны.

На еврейскую Пасху бабушка всегда готовила настоящую ГЕФИЛТЕ ФИШ. Да, именно вот так – большими буквами – нужно описывать этот шедевр! Начиналось все с того, что дедов брат Моня, работавший в Главмясорыбторге товароведом, помогал к празднику «достать» рыбу.

Бабушка колдовала над ней на кухне, а к обеду, когда собирались гости, во всю четырехметровую длину комнаты раздвигался стол и во всю длину стола выкладывалась на трех блюдах *рыба*. Гости оказывались в культурном шоке, а бабушка стойко хранила тайну того самого «рыбного» места, где она «поймала» такую красавицу.

И вот однажды, когда вся семья сидела за пасхальным столом, дядя Моня (тот самый, из Главмясорыбторга), смеясь, рассказал, как он шел по улице и увидел в окне спортзала боксирующего племянника. Наум Григорьевич и виду не подал, что новость его удивила. Но одного его взгляда было достаточно, чтобы спортивная карьера сына сделала резкий прыжок от бокса в сторону гимнастики.

О, юноши-гимнасты! Как вы красивы и грациозны, сильны и прекрасны! О, юные античные боги! Что вы делали в Одессе начала 60-х? Ясное дело что! Летом в перерывах между адскими,

Папа, бабушка Тамара, кузина Валя
и сестра Софа (стоит)

выматывающими тренировками, учебой и работой вы отсыпались на пляже, купались в море и вызывали восторг у одесских девушек своими спортивными подвигами.

Обычно это происходило так.

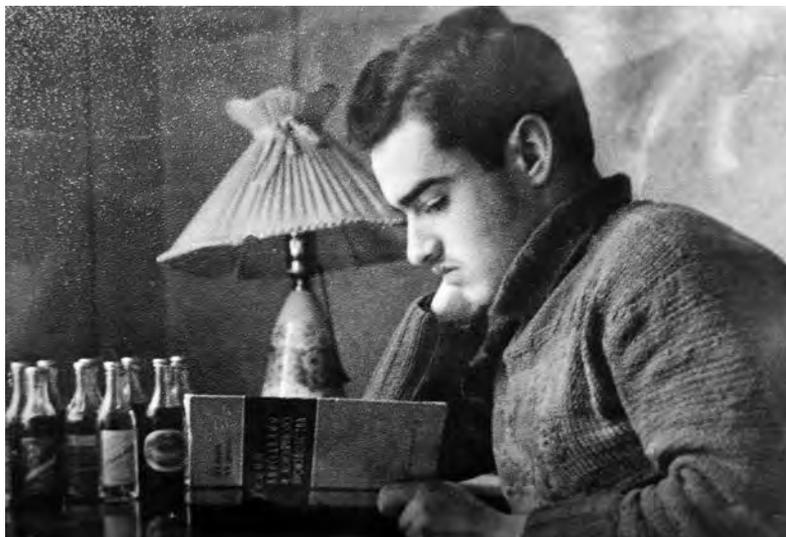
Папа и его товарищ по секции Вовка Кумец работали, что называется, на контрасте. Вовка был ниже ростом, но с фактурной мускулатурой – эдакий Геракл одесского разлива. А папа – чуть выше, но худенький, и на фоне Вовки не особо спортивный. Любимым развлечением этой парочки было разводить наивных качков, занимавшихся на пляжных турниках. Вовка как настоящий импресарио предлагал им поучаствовать в соревновании: кто больше подтянется на перекладине – они или этот худосочный пацан, то есть папа. Качки соглашались, не зная, что у папы к тому моменту был уже второй взрослый разряд по гимнастике. Папа давал им возможность показать себя первыми. Как правило, это были недавно дембельнувшие солдатики, сдавшие армейский норматив. Их рекорд – максимум десять раз – папа бил легко и с улыбкой. Что там те подтягивания, когда подъем с переворотом и даже солнышко он делал на раз плюнуть!

Разумеется, судьба приза была решена, и пара французских булок, кило колбасы или печенья доставались папе и его импресарио. Все это честно заработанное богатство запивалось водой из питьевого пляжного фонтанчика, после чего жизнь казалась сказкой. А может быть, не казалась, а была...

Папа, ликер, водка и Общество трезвости

Папа очень любит молоко. Я помню эти советские литровые бутылки с крышечками из серебряной и золотой фольги. Золотая – для топленого, серебряная – для обычного. Еще были поллитровые с розовыми крышками – ряженка, с зелеными – кефир, с полосатыми – ацидофилин. Все это папа любил и любит сейчас. И поэтому после восьмого класса пошел учиться в пищевой техникум. На винодельческий факультет.

Да, я понимаю, что логика не прослеживается. Даже если вспомнить, что в кефире где-то там ученые нашли два-три мил-

Папа – студент винодельческого факультета

литра спирта на ведро сырья. Не... все равно не прослеживается. А на самом деле все просто. Тетенька в приемной комиссии пристыдила пятнадцатилетнего папу: разве это мужское дело – на мясомолочном учиться! Там одни девчонки! Не об учебе думать будешь! Да и вообще, разве может мальчик из хорошей еврейской семьи, пусть и не религиозной, даже близко подходить к *мясо-* и одновременно – *молочному* факультету! Абсурд!

И папа поступил на винодельческий.

Самыми светлыми воспоминаниями о периоде учебы остались, конечно, экзамены по дегустации. В эти благословенные дни в стенах техникума по непонятным, но очень уважительным причинам собирался весь педсостав. Привозилось хорошее вино, студенты во главе с экзаменатором садились за большой стол, все получали свои порции алкоголя, достаточного для анализа, и начиналось священное «омывание рецепторов». Медленно и со знанием дела педагог и экзаменуемые счастливчики оценивали цвет, густоту, вкус и послевкусие, букет и аромат

предлагаемых напитков. Вдруг открывалась дверь и какой-нибудь доцент с другой кафедры, который по документам в этот день наверняка числился в отпуске, делал в дверях фальшиво виноватое лицо: «Ой! У вас тут экзамен!.. Я не знаааал!». Но уходить не спешил. Конечно же, его тут же приглашали принять участие в экзамене. А через пять минут сценка повторялась, но с участием уже другого доцента.

После окончания сего благословенного учебного заведения папа устроился работать на одесский ликероводочный завод в цех разлива на участке экспортной продукции. Да, в те годы для своих и для иностранных любителей выпить продукцию производили разную. Даже крышечки на бутылках экспортной водки были не привычными нам «бескозырками», а завинчивающимися. На разливе стояла принципиальная шведка Алка – умный автомат, который, в отличие от нашей подобной машины, не наливал в битую посуду. И если в бутылке уже что-то было налито, то Алка всегда доливала четко до нормы.

В обеденный перерыв сотрудникам разрешалось принять умеренное количество производимой продукции. А если бы и не разрешалось – вы думаете, это кого-нибудь остановило бы?

С грузчиками, носившими ящики с тарой, принято было рассчитывать майонезной баночкой. Наполнялась она до краев.

И папа в силу ряда причин в своем цеху исполнял роль виночерпия. Ибо руки у опытных работяг профессионально тряслись, а папа был непьющим.

Коллеги шушукались за спиной: «Он дурак или прикидывается?». Но папа не прикидывался. Он просто любил молоко. Но долгое время коллекционировал стограммовые бутылочки с алкоголем. Потом их потихонечку выпил муж сестры.

Пройдут годы, и грянет перестройка. А с ней – антиалкогольная кампания. Многие помнят эти свадьбы с водой «Бурадино» вместо шампанского и коньяк в самоварах под видом чая. А на производствах было велено организовывать общества трезвости. Не миновала сия чаша и одесскую музкомедию. Папа как непьющий и ответственный человек был единогласно избран его

председателем. Оставалась малость: набрать остальных членов. И вот тут задачка оказалась со звездочкой. Не то чтобы работники театра все поголовно дружили с зеленым змием, но... Уважительную причину каждый находил себе свою. Новое веяние в театре не пользовалось популярностью от слова «совсем». И вот однажды случилось чудо! Утром на вахте папе сообщили, что его ищет один из сотрудников.

– Наумыч! Тут это... Такое дело! Принимай меня в свое общество! Надо мне очень.

Оказалось, что без справки из Общества трезвости потенциальному охотнику не дают разрешение на регистрацию ружья.

Так что до самого упразднения в Обществе трезвости одесской музкомедии числилось два человека. Остальные как-то не подтянулись. А главный художник театра Михаил Ивницкий так прямо при каждой встрече и заявлял: «Миша! Я выпить люблю! На меня не рассчитывай!».

Папа и не рассчитывал. А Общество трезвости в театре не прижилось.

Папа и шесть портретов Адъютанта

Папа вырос в семье зрителей. Никто до него из родни к искусству отношения не имел. Ходили в театр, как все, – не часто, но регулярно. Однажды контрамарки деду, который после войны работал в конторе, продававшей пиломатериалы (пошел по стопам Цви бен Цви), подарил сам Водяной. Видимо, за помощь в строительстве дачи.

А папу судьба привела в театр в 1970-м. Юноша двадцати шести лет, у которого за плечами пищевой техникум, ликероводочный завод, судоремонтный завод и армия, попадает на работу в Одесский театр оперы и балета на должность радиста.

Как сейчас безапелляционно заявляет папа, он пришел в театр, чтобы найти жену. Но тогда он, конечно, об этом не догадывался. Первый рабочий день у папы был 26 мая. После смены он вышел в фойе полюбоваться сусально-мраморно-бархатным убранством

и заметил толпу юных красавиц, осаждавших неприступного билетера. «Пустите! – умоляли девушки. – Мы только на него посмотрим одну секундочку!..» Папа поинтересовался, на кого они собираются посмотреть.

– На Соломина!

– А кто это?

– Адъютант его превосходительства!

Ага! Вот оно что! В одесском оперном с 25 мая гастролеровал знаменитый Малый театр! А на сцене блистал тот, в кого буквально накануне влюбились все девушки страны от пятнадцати до семидесяти восьми лет – Юрий Мефодиевич Соломин. Многосерийный фильм с его участием только вышел и сделал актера невероятно знаменитым.

Папа поспешил в зал смотреть на Адъютанта. Через пару дней на столе у театрального фотографа он увидел карточки: Юрий Соломин на фоне чугунной ограды в Пале-Рояле. Конечно, не воспользоваться таким случаем было глупо. Папа выпросил у фотографа две штуки и отправился в гримерку Соломина за автографами –

для себя и старшей сестры Софы. Софа работала в холодильном институте. На следующий день там был скандал: ее лучшие четы-

ре подруги тоже хотели автограф Адъютанта. Конечно же, через несколько дней они его получили.

Да, были времена, когда в Одессу не на день-два, а на несколько недель приезжали знаменитые коллективы. Малый, МХАТ, театр имени Маяковского, театр «Ромэн» привозили своих звезд и лучшие постановки. Так наша коллекция пополнилась автографами Михаила Жарова, Игоря Ильинского, Евгения Леонова, Евгения Евстигнеева, Олега Стриженова, Вячеслава Невинного, Александра Калягина. Со всеми этими людьми папе посчастливилось общаться и работать. МХАТ под руководством Олега Ефремова однажды даже привез «полуфабрикат» постановки «Протокол одного заседания»: спектакль репетировали на одесской сцене и здесь же показали премьеру. А перед этим на сдачу пригласили работников одесских заводов, чтобы проверить на искушенной публике точность образов. А в легендарной постановке «41-й», которая шла на одесской сцене четырежды, Олег Стриженов в роли белого офицера Говорухи-Отрока читал стихи своей Марютке минут по пятнадцать, и каждый раз это были другие стихи. Получался моноспектакль внутри основного действия. Кто сейчас на такое способен?

Папе посчастливилось попасть в театральный мир Одессы тогда, когда этот мир переживал свой золотой век. Гастроли знаменитых трупп сменялись не менее громкими премьерами местных театров. Какие звезды блистали на одесских сценах! В опере – Н. Огренич, И. Пономаренко, Т. Мороз, А. Арье, А. Капустин, А. Рихтер, Р. Сергиенко, Е. Иванов, Н. Ткаченко, А. Джамагорцян, А. Дуда, В. Олейникова! В балете – Н. Барышева, С. Антипова, М. Петухов, В. Новицкий! Позже, уже в театре музкомедии, папе посчастливилось работать с М. Водяным, М. Деминой, Е. Дембской, И. Ивановой, Л. Сатосовой, С. Крупником и тогда только начинавшими свой творческий путь Г. Жадушкиной, В. Бардой-Склярченко, В. Фроловым, В. Фроловой, В. Валовым. Особую роль в творческой судьбе папы сыграл незабвенный Михаил Борисович Ивницкий – главный художник театра музкомедии.

Обо всем этом папа вспоминает, просматривая в который раз ту самую коллекцию автографов. О ней, конечно, можно и нужно писать отдельную книгу. Что я однажды и сделаю. Обещаю.

Как папа встретил маму

Папа жениться не любит. Программу-минимум, конечно, он выполнил: сходил в ЗАГС один раз, но больше ни-ни. Так и живет с мамой сорок четыре года. Правда, если считать еще пять лет «конфетно-букетно-театрального» периода, то получается уже сорок девять. Мама – Светлана Каганович – пришла в оперный театр в 1971 году. И проработала в нем более тридцати лет инженером-осветителем. Сейчас здесь она возглавляет цех художественного света. Как лайт-дизайнер мама объездила с гастролями полмира, работала с Плисецкой, Национальным балетом Кубы, Moscow City

Ballet, Марселем Марсо, Георгом Отсом, Марисом Лиепой, Австралийским балетом, десятками знаменитых режиссеров, художников и балетмейстеров. А папу еще в начале 80-х судьба привела из оперного театра в одесскую музкомедию, где он и по сей день трудится в должности начальника службы художественного света.

Удивительное явление – свет. Выхватит луч прожектора из толпы человека – и он у всех на виду, все готовы слушать, равняться на него. Сделает человек неверный шаг, отступит в тень – и все забыли о нем, ищут нового кумира в новом луче. Не все актеры понимают, как важен свет в их профессии. Но это понимают папа и мама. Они – профи, они любят театр так, как, наверное, никогда не сможем любить его мы. И я уверенно могу сказать: в сиянии многих звезд одесской и мировой сцены есть частицы света моих родителей.

